DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ХАОС ИЛИ ПЛЮРАЛИЗМ?

А.В. Торкунов

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Москва, email: rectorat@inno.mgimo.ru

Торкунов А.В. Международные исследования: хаос или плюрализм? – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 7-18. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.02

Статья поступила в редакцию: 03.08.2019. Принята к публикации: 19.08.2019

Аннотация. Специфика формирования научного знания о международных отношениях уже много лет является предметом дискуссии. Автор выделяет особенности соотношения фундаментального и прикладного уровней знания о международных отношениях, анализирует разделение собственно научного знания и рефлексии по поводу практической международной политики (что в самом общем виде обозначается как “большие идеи”). Соотношение же науки и практической международной деятельности рассматривается в том аспекте, что научное знание и “большие идеи” пересекаются, имея при этом различную природу и, по сути, являясь несопоставимыми. Автор приходит к выводу, что развитие международных отношений именно как объективной науки, отвечающей критериям научности, связано с трудностями, что также затрудняет и формирование прикладного уровня исследований. По мере того как наука о международных отношениях находит решения своих гносеологических проблем и накапливает знания, создаются предпосылки для формирования в полном смысле этого слова как ее теоретического, так и прикладного уровней. Но процесс этот не одномоментный и требует постоянного внимания со стороны исследователей.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, научное знание, критерии научности, политическая теория, методология.

В последние примерно сто лет налицо значительный прогресс в развитии общественных наук. Это справедливо и для международных исследований, с течением времени выделившихся в самостоятельное научное направление. Однако вопрос о соотношении науки и практики остается неоднозначным и для социальной науки вообще, и для исследований международных отношений в особенности.

Эту проблему можно рассматривать под разными углами зрения. Можно сосредоточиться на “технологических” аспектах перевода научных знаний в практическую плоскость, в частности, на проблемах прогнозирования в международных отношениях. Можно ввести “политический” элемент и уйти в рассуждения о том, насколько политики и профессионалы-практики опираются на науку при принятии решений. Можно рассмотреть, как те или иные практические ситуации выглядят с точки зрения различных теорий. Любая из этих “тропинок” приведет к одному и тому же результату – к признанию некоторых проблем в соотношении науки и практики в международных отношениях, хотя и задаст некий ракурс в*и*дения этих проблем. Как представляется, такие проблемы по сути своей не только “технологические” и не

исключительно "политические", а имеют общую природу, связанную с особенностями формирования научного знания о международных отношениях.

В исследовании международных отношений – возможно, даже больше, чем в других общественных науках, – наблюдается широкое идейное и методологическое разнообразие. Настолько широкое, что иногда даже говорят о теоретическом хаосе. В самом деле, международники спорят обо всем: о природе субъектов (акторов) и среды (структуры), в которой они действуют; о характере взаимоотношений акторов между собой и их со структурой; об онтологии, эпистемологии и методологии – то есть о том, как вообще все это изучать и превращать в научное знание. На каждый из множества вопросов даются многочисленные и нередко противоречивые ответы, но тут же возникают все новые и новые вопросы. Получается некий саморазвивающийся, непрерывно разрастающийся плюрализм.

Естественно возникает вопрос: это достоинство или коренной порок нашей области знаний, отражение ее неспособности сформировать единые, общепризнанные законы и аксиомы, или же, наоборот, ее качественное отличие от более "строгих" наук, раскрывающее все новые возможности понимания и объяснения противоречивых тенденций современного развития?

Наше представление о международных отношениях основывается на теории, а множественность представлений отражает широкий круг конкурирующих между собой теоретических подходов. Некоторые из них тесно взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга, в то время как другие подходы взаимно враждебны или, как минимум, конкурентны друг другу.

Даже сам термин "теория международных отношений" по сей день не устоялся – речь идет то о теории, то о науке МО, то о международных исследованиях, то о геополитике. А это значит, что возможны и варианты ответов на вопросы, которые она перед собой ставит. При этом, как известно, сама область знания развивается уже не одно десятилетие, в ней сформировались свои аксиомы, догмы, мифы, метафоры, устойчивые заблуждения и традиции, и все это опирается на внушительный пласт научной и околонаучной литературы разной степени теоретичности и практической значимости. Попробуем разобраться прежде всего, что же это за феномен – международные исследования.

Начнем с того, какие вопросы ставят перед собой международники. Известный австрало-британский международник, один из "классиков" так называемой Английской школы, Хедли Булл следующим образом сформулировал вопросы, которые стоят перед теорией международных отношений как особой дисциплиной: "Является ли группа суверенных государств политическим обществом, или системой, или нет? Если мы можем говорить об обществе суверенных государств, предполагает ли это общую культуру или цивилизацию? Если да, то лежит ли подобная общая культура в основании всемирной дипломатической структуры, в рамках которой мы вынуждены сейчас действовать? Каково место войны в международном обществе? Является ли любое частное проявление силы абсолютным препятствием для функционирования общества, или же существуют справедливые войны, которые для его функционирования приемлемы и даже необходимы? Имеет ли государство – член мирового общества право на вмешательство во внутренние дела другого государства, и если да, то при каких обстоятельствах? Являются ли суверенные государства единственными членами международного общества или оно со-

стоит в конечном счете из индивидуальных человеческих существ, чьи права и обязанности выше прав и обязанностей тех государств, которые действуют от их имени? В какой степени ход дипломатических событий в тот или иной момент времени детерминирован или ограничен общей моделью или структурой международной системы, количеством, относительным весом, консервативной или радикальной позицией государств, составляющих эту систему, инструментами, позволяющими этим государствам навязывать свою волю на основе либо военной технологии, либо распределения благ; особым набором правил игры, лежащих в основе дипломатической практики в данное время?" [Булл 2002: 190-191]. Булл сформулировал эти вопросы еще в середине XX в., сегодня их количество и сложность заметно возросли. И продолжают быстро разрастаться. Соответственно расширяется и круг возможных ответов. Но есть и самый главный вопрос. Французский социолог Раймон Арон в свое время показал, что межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей – дипломата и солдата, т.е. в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. И это не потеряло своей актуальности.

В естественных науках исследуются основополагающие явления, формулируются научные законы и теории (фундаментальная наука), которые затем превращаются наукой прикладной в практически применимые технологии. В общественных науках присутствует та же потребность – постичь основополагающие закономерности, которые позволят вести более эффективную деятельность, в идеале – делать жизнь общества лучше. В международных отношениях за идеал можно, наверное, принять мир без войн.

Но для науки о международных отношениях актуальным является не только вопрос об имплементации фундаментальных знаний в практическую деятельность, но и вопрос – как получить объективные научные знания из изучения реальности? В поисках ответа на них наука о международных отношениях в том или ином виде повторила споры, которые велись в европейской философии со времен эпохи Просвещения, по вопросам гносеологии, особенно о взаимоотношении объекта, субъекта и знания. В науке о международных отношениях разделение субъекта и объекта, что является важным критерием научности, оказалось особенно сложным в силу самой природы дисциплины, изначально находившейся на стыке и пересечении самых разных областей знания.

Следует напомнить, что науке о международных отношениях не доступен такой общенаучный метод, как эксперимент, а во многом именно он обеспечивает возможность верифицировать надежность и достоверность знания в естественных и некоторых общественных науках (например, в экономике или в социологии). Ученые-международники имеют дело преимущественно с данными, которые становятся доступны в естественных (полевых) политических условиях. Что еще более важно, так это то, что международники всегда имеют дело с человеком, а стало быть, призваны учитывать специфику поведения политических лидеров и исполнителей принятых решений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Особенность исследования международных отношений состоит в том, что оно имеет вероятностный характер и поэтому включает в себя значительный элемент риска и столь же заметный аспект условности. Не стоит удивляться, что международные события нередко предстают перед наблюдателями и ис-

следователями как случайные, ибо зависят от воли и действия множества людей и трудно однозначно фиксируемых обстоятельств. Пытаясь разобраться в этом, аналитики зачастую "тонут" в фактах, иначе говоря, нуждаются в каком-то варианте их упорядочивания, хотя бы в первичных обобщениях, из которых затем могут вырасти теории – своего рода "дорожные карты". Это не просто указатели, помогающие нам понять происходящее существенно глубже, чем это возможно на уровне здравого смысла, рождающегося из практического опыта, – но инструменты, позволяющие выявить истоки проблем. Иначе говоря, ответить не только на вопрос, *как* происходит то или иное событие, но и *почему* оно случилось. И, следовательно, не только предвидеть их повторение в какой-либо форме, но предотвратить или, наоборот, поддержать ту или иную тенденцию, в зависимости от поставленных целей. А это уже – шаг в направлении политической теории (или политической философии, как ее чаще называют в европейской академической традиции в отличие от американской), т.е. поставить нормативные вопросы – а как это *должно* происходить, чтобы отвечать нашим ценностям и целям?

Но имеет место и обратное движение: формулирование задач на основании ценностей и приоритетов, а затем обращение к эмпирическим фактам, подтверждающим или, наоборот, опровергающим (фальсифицирующим) наши выводы и представления.

К сожалению, в учебниках, причем издаваемых в разных странах мира, преобладает подход, предполагающий своего рода разделение, чуть ли не противопоставление, эмпирической (позитивной) науки о международных отношениях и нормативной теории, которая во многих случаях остается разве что в главах, посвященных морально-этическим аспектам рассматриваемых проблем. Во многом это является отражением довольно сложного пути, который международные исследования проходили в своем становлении. Многие столетия международные аспекты политики интересовали разве что философов с их рассуждениями о лучшем мире и природе человека, а практическая часть содержалась в многочисленных поучениях для желающих обучиться "искусству дипломатии". И только с появлением позитивизма в центр исследований был положен эмпирический факт, а не его интерпретации и рефлексии, а также начались непрекращающиеся попытки распространить на социальную сферу методы и правила естественнонаучного познания. Но если многие науки начали делать это еще в XIX столетии (например, социология), международные исследования пришли к этому с изрядным запозданием, по существу, лишь после окончания Второй мировой войны. И хотя формально теория международных отношений была учреждена еще в 1919 г., на строго научные рельсы она попыталась встать лишь вместе с так называемыми вторыми "Великими дебатами" между модернистами (бихевиористами, позитивистами) и традиционалистами, все еще пытавшимися искать ответы преимущественно через нормативные исследования.

Впрочем, с "Великими дебатами" все не так просто. Хотя этот взгляд беспрерывно воспроизводится в учебниках и хрестоматиях, издаваемых по всему миру, он неизбежно упрощает многокрасочную теоретическую картину, что облегчает ее восприятие при обучении, представляя весь процесс как серию "Великих дебатов", сначала между политическими реалистами и идеалистами, потом между традиционалистами и модернистами – сциен-

тистами и бихевиористами, и, наконец, между рационалистами и рефлективистами; но в то же время он излишне примитивизирует изложение хода становления и формирования науки. Главный принцип "Великих дебатов" заключался в противопоставлении взглядов конкурирующих теоретических лагерей, что, как считается, позволяло выявить точки несогласия и наметить ключевые темы, осмысление которых оказывалось приоритетным на том или ином историческом этапе. При этом сталкивались не просто разные течения международно-политической мысли, а наиболее заостренные, в которых противоречия были выражены наиболее сильно. На самом деле история становления международно-теоретической мысли была существенно сложнее: параллельно участникам дебатов работали (и весьма успешно) представители марксистской, постмарксистской, социал-демократической, консервативной, постмодернистской, феминистской и т.д. теорий, влияние которых на ход развития дисциплины на разных этапах также было весьма велико.

Тем не менее, именно благодаря дебатам между модернистами и традиционалистами в последующие десятилетия наблюдается постоянное расширение применения количественных методов в исследовании международных отношений: идут поиск количественно измеряемых закономерностей в массиве политических явлений и действиях политических акторов, установление и описание закономерностей, выявление причинно-следственных связей и объяснение механизмов их работы. Все это постепенно создает базу для формулирования полноценных научных законов и теорий. К настоящему времени расширение использования общенаучных методов способствовало появлению множества частных, специальных исследовательских направлений, которые развиваются в рамках теорий среднего уровня. Этот общий позитивистский тренд способствует приобретению международными отношениями как самостоятельной области знаний большей научности.

Примечательно, что по мере развития и использования количественных методов все больше становилось ученых-международников, которые проводят исследования и пишут свои работы вне основных парадигм [Современные международные отношения 2018]. Самые первые, а также третьи (продолжающиеся, как полагают многие, и сейчас) из "Великих дебатов" по теории международных отношений носили во многом межпарадигмальный характер. Впрочем, парадигмы международных исследований сохраняют свое значение. Реализм (в различных его вариантах, но прежде всего неореализм и неоклассический реализм), либеральный идеализм и конструктивизм по-прежнему лежат в основе значительной части публикуемых в мире статей и монографий по международным отношениям.

Дискуссии между теми, кто работает в различных вариантах позитивистской традиции, и теоретиками, которые работают преимущественно в рамках основных парадигм – различных вариантов реализма и либерализма, – несколько ослабли со времени вторых "Великих дебатов" – каждый из них во многом пошел своим путем. При этом они получили новых оппонентов. Позитивисты испытывают растущее давление со стороны постмодернистов и постпозитивистов, которые предлагают еще больше расширить эпистемологические и методологические рамки (но теперь в направлении отказа от преимущественной опоры на эмпирику). Сторонники же основных парадигм – со стороны критических теорий, которые оспаривают полноту объяснительных моделей "больших

теорий" и предлагают свои модели объяснения для отдельных исторических и политических проблем. Неудивительно поэтому, что с течением времени в "дебаты" начали включать все новые и новые теории и подходы.

Одни исследователи считают, что именно "Великие дебаты" позволили оформить и структурировать дисциплину. Другие ученые, наоборот, утверждают, что они прежде всего показали слабости и сильные стороны предмета, что, в конце концов, все-таки помогло становлению его как самостоятельной области знаний. Третьи полагают, что без "Великих дебатов" вообще не существует приемлемого способа изложения истории ТМО, особенно в учебных целях. Другое дело, что имеется угроза их абсолютизации, когда исследователи забывают, что это искусственный конструкт, созданный ради структуризации международных исследований, причем довольно поздно – только в конце 1970-х – 1980-х годов, и он носит ретроспективный характер [Алексеева 2019: 171].

Длительное доминирование позитивистских установок в теории международных отношений привело к тому, что каждая теория с ее опытом стала рассматриваться изолированно, а не как часть системы научных теорий, оказывавших друг на друга существенное влияние в процессе исторического развития науки как таковой. Несмотря на то что теория международных отношений вроде бы постоянно обращалась к смежным дисциплинам, фактически она долгое время с трудом вписывалась в общенаучный синтез знания. Тем более, что начиная с 1970-х годов в общественных науках все заметнее становился переход к постпозитивизму.

Пришлось, в конце концов, признать зависимость от культуры, поскольку культура может оказывать влияние на интерпретацию наблюдаемых явлений, и особенно в международной сфере. Все чаще методологические концепции стали строиться не просто на "эмпирической базе", но также на основе имеющихся представлений об историческом развитии и эволюции научных идей. И хотя конструктивизм превратился в одну из основных теоретических парадигм, для такого поворота понадобился не один десяток лет, и его никак нельзя считать завершенным. Более того, можно наблюдать некое разделение труда – американская наука международных отношений чаще работает с эмпирическими данными и количественными методами, европейская – с качественными исследованиями. Это вполне объяснимо не только прагматичностью американской науки, но и наличием в США долговременного согласия в отношении базовых либеральных ценностей, воспринимаемых как данность, как нечто очевидное. И хотя количественные исследования проводились и у нас еще, по крайней мере, с 1970-х годов (в Проблемной лаборатории МГИМО, в ИМЭМО, в Институте системных исследований, ряде других научных центров), даже с учетом немалых достижений, они не стали доминантой, зато привели к еще более глубокому противопоставлению теории и практики.

Между тем, в любой науке всегда присутствуют два уровня познания: эмпирический и теоретический. Для знаний, полученных на эмпирическом уровне, характерно то, что они являются результатом непосредственного контакта с "живой" жизнью. Иначе говоря, на этом уровне мы получаем знания об определенных событиях и фактах, выявляем свойства интересующих нас объектов и процессов, фиксируем отношения и, наконец, устанавливаем первичные эмпирические закономерности.

Однако систематизация и описание эмпирических фактов, взятые сами по себе, еще не составляют теорию. Теория предполагает не только описание, но и объяснение, т.е. раскрытие закономерностей и причинно-следственных связей в тех процессах, явлениях и феноменах, о которых она говорит. При этом теория строится таким образом, что осмысливает не саму окружающую действительность, а идеальные объекты, как это формулировал еще Макс Вебер. В отличие от реальных, идеальные объекты характеризуются отнюдь не бесконечным, а минимально необходимым числом свойств, к которым можно свести то многообразие данных, с которыми ученый сталкивается на эмпирическом уровне познания.

Все варианты исследований международных отношений обладают и эмпирическими, и нормативными аспектами – и это неизбежно. Само разнообразие теоретических подходов к исследованию международных отношений предопределяется именно соотношением между эмпирическими и нормативными аспектами, их разной пропорцией и интерпретациями. Например, политические реалисты или либералы могут критиковать свое правительство за непоследовательность в отстаивании национальных интересов, но это означает, что необходимо как минимум опираться на определение ценности интереса, что возможно только с нормативных позиций. Подразумевается представление об общем благе, об обеспечении мира, об отношении с соседями или что-то иное.

Вообще, что такое интерес? В чем он заключается? Почему мы формулируем его так, а не иначе? Причем не столь уж важно, интересует ли исследователей проблема ядерных вооружений или этнических конфликтов, защита прав человека на международном уровне или торговые войны, международные миграции или обеспечение государственного суверенитета – рано или поздно они вынуждены задать вопрос – что *должно* сделать правительство? Что нужно сделать и почему? А это уже сфера нормативного.

Стало быть, ответ в пропорции и, отчасти, в преобладающей парадигме. Степень эмпиричности и нормативности также может варьироваться в зависимости от специфики той или иной теории. В любом случае, теория международных отношений – это практический дискурс, объясняющий эмпирические и нормативные аспекты происходящих международных событий. Соответственно, для изучения международных отношений необходимы и нормативный, и дескриптивный (описательный) тип исследования – только так мы сможем получить целостную картину сегодняшнего мира. В своей знаменитой работе “Двадцатилетний кризис. 1919-1939” британский историк Эдвард Карр писал, что ни реализм, ни идеализм, взятые по отдельности, не могут поддерживать международные отношения как практический дискурс. Без идеализма реализм стерилен, лишен цели; без реализма идеализм наивен, лишен понимания мира, в котором предстоит действовать. По Карру, международные отношения должны стать политической наукой, соединяющей “есть” (*is*) и “должно быть” (*ought*): “Утопия и реальность, таким образом, это две стороны политической науки. Рациональная политическая мысль и рациональная политическая жизнь могут быть найдены только там, где для каждой из них находится место” [Carr 1946: 10]. И хотя сказано это было еще во времена зарождения науки о международных отношениях, актуальность данного замечания отнюдь не утрачена. Подчеркнем еще раз – в каждой па-

радигме разные пропорции эмпиричности и нормативности. И потому здесь правильнее будет рассуждать в стиле "больше-меньше", нежели "или-или".

А это означает, что практика международных исследований, помимо всего прочего, подвержена влиянию идей. Данностью является рефлексия человека по поводу любой его социальной активности. Такая рефлексия ведет к формированию представлений, идей, норм, которые влияют на практическую деятельность. Но это происходит не в безвоздушном пространстве. На формирование наших представлений оказывают влияние идеологии, иногда открыто, прямо, непосредственно, иногда – подспудно присутствующие в виде так называемых фоновых представлений. Так же, как и политические теории, идеологии, помимо отношений и способов мышления, представляют собой совокупность концептов. Иначе говоря, неких образований, понятий, имеющих свою структуру – "ядро", позволяющее понять, о чем конкретно идет речь, а также интерпретаций, иначе говоря, концепций того или иного понятия. Концепции несут на себе влияние исторической ситуации, ее характеристик в политическом языке, наконец, идеологических предпочтений исследователя или целой "школы". Именно поэтому чужие интерпретации не стоит принимать на веру, видя в них последние научно-теоретические достижения. Поправка на идеологичность отрезвляет исследователя или, по крайней мере, призвана это делать. Хотя приходится констатировать, что у нас все еще есть международники, которые ограничиваются изложением книг и статей зарубежных исследователей без достаточной критической оценки предлагаемых ими способов объяснения и понимания. Но это означает, что международные исследования – это всегда помимо всего прочего изучение идей, присутствующих в политической жизни, а не просто фиксация эмпирической реальности.

Таким образом, международные исследования одновременно и следуют требованиям общенаучного подхода с точки зрения связи между теорией и практикой, и во многих отношениях выходят за пределы науки. Научное знание в международной сфере, включающее фундаментальные и практические теории, не всегда может быть использовано как основание для прикладных разработок. Мне уже доводилось писать о необходимости осмысления фундаментальных теорий под лупой так называемого полезного (практического) знания [Современные международные отношения 2018]. Здесь же хотелось бы обратить внимание еще на один аспект проблемы.

Случается, что некоторые представления приобретают статус "больших идей", которые овладевают умами политических субъектов, а иногда и масс, и начинают существенным образом влиять на национальные и международные решения, тем самым определяя практическую международную деятельность. И это уже не только вопрос о роли нематериальных факторов в восприятии конкретным актором реальности. Рефлексия по поводу международной деятельности приводит не только к самоидентификации, но и к интеллектуальным обобщениям ("большим идеям"), которые тоже зачастую называют теориями, носящими, впрочем, более прикладной характер. Речь идет о поддержке стремления к поддержанию мира и безопасности, о согласии с базовыми международно-правовыми нормами, начиная с нераспространения ядерного оружия и использования некоторых особо жестоких типов оружия и заканчивая зашитой прав человека, борьбой с терроризмом, поддержкой демократии и равенства и т.д. Однако уровень достигнутого согласия все

еще недостаточно высок, что позволяет ряду исследователей даже называть современное состояние "обществом риска".

На этой базе выделяются особенности соотношения фундаментального и прикладного уровней знания о международных отношениях и вводится разделение собственно научного знания и рефлексии по поводу практической международной политики (в самом общем виде это и обозначается как "большие идеи"). Проблемы же соотношения науки и практической международной деятельности сводятся к тому, как научное знание и "большие идеи" пересекаются, при этом имея разную природу.

Научные парадигмы стремятся выявить основополагающие закономерности объективной реальности (в этом смысле они в идеале независимы от времени и справедливы для всех объектов и субъектов), а "большие идеи", по сути, создают идеаторное измерение практической международной деятельности. Другими словами, научные парадигмы должны давать объективное знание (а оно, в свою очередь, позволяет понимать происходящее), а "большие идеи" концентрируются на том, чтобы дать понимание (при этом оно отчасти базируется на объективном знании, но в значительной мере выходит за его пределы) происходящего. Поэтому следует разделять "большие идеи" как интеллектуальные рефлексии по поводу практической политики и собственно научное знание о международных отношениях.

"Большие идеи" необходимы. Любая практическая деятельность – особенно такая сложно организованная, как политический процесс, – не может быть оставлена, да и сама не может обойтись, без рефлексии. Хотя бытует мнение, что профессионалы-практики всегда между собой договорятся, если им не мешают политики или "теоретики", в реальности это далеко не так.

Например, некоторые исследования последних лет по российско-американским отношениям показывают, насколько в них переплетены мировоззренческие и прагматические пласты и как они друг на друга влияют [Wohlforth 2017; Safranchuk 2018]. Профессионалы-практики обладают большим знанием по каждому конкретному вопросу в соответствии с их специализацией. Но разнообразные практические вопросы желательно интегрировать в нечто единое, непротиворечивое, в общую политическую линию, достаточно сложную, чтобы быть адекватной современному миру, но, одновременно, и достаточно понятную профессионалам с различным багажом практического знания, а также элите и обществу, поддержка которых необходима для проведения эффективной международной деятельности. "Большие идеи" выполняют эту важную функцию.

По мере того как наука о международных отношениях находит решения своих сложных гносеологических проблем и накапливает знания, создаются предпосылки для формирования в полном смысле этого слова прикладного уровня науки о международных отношениях. Но решающий вклад в это внесут, скорее, теории среднего уровня, нежели "большие идеи", которые составляют идеаторный уровень практической политики как часть свойственной человеку рефлексии по поводу любого социального взаимодействия.

* * *

Создать теорию нелегко в любой области, и международные отношения здесь не исключение. Более того, это, пожалуй, одна из наиболее сложных

и многогранных сфер человеческой деятельности, где особенно трудно выделить общее, сформулировать закономерности.

Научиться мыслить как международник не означает жонглировать цитатами и понятиями – необходимо хотя бы отчасти пройти путь тех теоретиков, которые создавали эту, одну из сложнейших из существующих, дисциплину; попытаться понять, как рассуждали и чем руководствовались те люди, с трудами которых сегодня мы знакомимся по учебникам и хрестоматиям. И, возможно, также начать размышлять самостоятельно, ибо процесс формирования более или менее целостной науки о международных отношениях отнюдь не завершен, она все еще находится в поиске как своих теоретических оснований, так и практических технологий. Иными словами, это "продукт в процессе".

Международные исследования невозможно и не нужно вырывать ни из контекста мировых событий, ни из общих тенденций формирования представлений о тех процессах и явлениях, которые постепенно складывались в философии, социологии, истории и других науках. Мир – не застывшая лубочная картинка, он подвижен, динамичен, противоречив, а международно-политическая мысль – лишь фрагмент этого мощного потока, поэтому на нем неизбежно сказывается то, что возникает и утверждается в естественных и общественных науках, в повседневной политической практике.

Так или иначе международно-политические исследования строятся вокруг важнейшего фундаментального вопроса: что сближает нации, государства, группы, отдельных людей, когда они взаимодействуют с "другими", и, наоборот, что их разделяет, заставляет бояться, дистанцироваться, защищаться, или даже воевать? Текущие проблемы и "вызовы" часто заставляют государственных деятелей мыслить только в ключе национальных интересов своего государства. В последние десятилетия, однако, мир изменился настолько, что пришлось научиться думать, хотя бы отчасти принимая во внимание интересы и опасения "удаленных Других". Беспрецедентные угрозы – будь то ядерного уничтожения или катастрофического разрушения окружающей среды – лишь новая форма старой проблемы самой возможности сосуществования во все более и более широких образованиях. Отсюда вытекает важнейший вопрос: как нормы и институты могут быть сконструированы для того, чтобы примирить хотя бы минимальные потребности в обеспечении безопасности отдельных государств и одновременно удовлетворить базовые потребности человечества? И вообще возможны ли универсальные моральные нормы? И, наконец, почему поставленные благие цели так никогда и не были достигнуты?

Все чаще теория международных отношений рассматривается во все более нюансированной перспективе, а "классические" методы и взгляды – как чрезмерно жесткие, западноцентричные и заведомо ограниченные дисциплинарными рамками. Все чаще современные международники рассуждают с более критических, нормативных или постструктуралистских позиций, работают в междисциплинарном поле. Они все более скептичны по отношению к традиционным "хрустальным шарам", но им все же приходится постоянно заглядывать вперед, опираясь на тот багаж теоретических знаний, который все же удалось собрать за последние столетия.

Как мы могли бы охарактеризовать "канон" современной международной теории? По-прежнему, она нуждается в освобождении от эпистемологиче-

ских границ теорий, базирующихся на позитивистских методах, будь то при реалистском, либеральном или марксистском подходе. В этом случае теория долгое время была занята сама собой, собственными методами, "школами", дискуссиями между отдельными теоретиками и их сторонниками или противниками. В то же время такие очевидно международные проблемы, как развитие, конфликт, права человека, безопасность, политическая экономия, изменения климата и т.д., были поначалу отданы на откуп другим дисциплинам. Причина их сегодняшнего возвращения в сферу международно-политических исследований очевидна – все они требуют междисциплинарного подхода, но одновременно и применения методов, наработанных теорией международных отношений. Иначе говоря, ворота в крепость канонической теории международных отношений распахнулись, и новые идеи, подчерпнутые из различных культур, из истории и онтологии, начали процесс завоевания все новых и новых университетов и кафедр. Наличие множества нередко противоречащих друг другу теорий не должно рассматриваться в качестве проблемы, – подчеркивают известные американские международники Дж. Миршаймер и С. Уолт, – а скорее, как позитивное и желательное условие ее развития. Хотя плюрализм и продуцирует тенденцию к фрагментации научного сообщества, теоретическое разнообразие – признак здоровой политики, поскольку оно выгодно не только по интеллектуальным, но и по политическим причинам [Mearsheimer, Walt 2013: 430].

Изучение международно-политической сферы сегодня – уже более не простое исследование причинно-следственных связей, приводящих к тому или иному событию, как это было во времена "классической" науки, а необходимость рассматривать всю совокупность факторов, сделавших возможным происходящее в области международных отношений. Поэтому современная наука о международных отношениях с неизбежностью предполагает политическую теорию, эмпирические исследования и принципы аналитической работы. В конце концов, методология и есть ключевая проблема международной политической теории, которая не только не растворилась в небытии, а наоборот, стала важнейшим направлением развития человеческой мысли, прошедшим длительный путь становления и эволюции. И будет идти дальше.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02

INTERNATIONAL STUDIES: CHAOS OR PLURALISM?

A.V. Torkunov[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

TORKUNOV, Anatoly Vasilyevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of RAS, Rector, MGIMO University, email: rectorat@inno.mgimo.ru

Torkunov A.V. International Studies: Chaos or Pluralism? – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 7-18. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.02

Received: 03.08.2019. Accepted: 19.08.2019

Abstract. The specifics of how scientific knowledge on international relations is formed have long been the subject of a discussion which is still ongoing. The author highlights the features of the relationship between the fundamental and applied levels of knowledge of international relations, analyzes the division of actual scientific knowledge and reflection upon practical international politics (which, in its most general form, is referred to as 'big ideas'). The relationship between science and international practice is

considered in the aspect that scientific knowledge and 'big ideas' intersect, having a different nature and, in fact, being incomparable. The author comes to the conclusion that the development of international relations – as an objective science that meets the criteria of science – is associated with difficulties, which also complicates the formation of the applied level of research. As the science of international relations finds solutions to its epistemological problems and accumulates knowledge, prerequisites are created for the formation of its theoretical and applied levels in the fullest sense of the word. However, this process is not instantaneous, but requires constant attention from researchers.

Keywords: world politics, international relations, scientific knowledge, scientific criteria, political theory, methodology.

References

Carr E.H. 1946. *The Twenty Years' Crises: An Introduction to the Study of International Relations, 1919-1939*. London: Macmillan.

Mearsheimer J.J., Walt S.M. 2013. Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypotheses Testing as Bad for International Relations. – *European Journal for International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 427-457. http://dx.doi.org/10.1177/1354066113494320

Safranchuk I. 2018. Russian-U.S. Relations: Torn Between the Practical and Ideational Agendas. – *Russia in Global Affairs*. Vol. 16. No. 4. P. 96-121. www.doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-96-119

Wohlforth W.C., Zubok V.M. 2017. An Abiding Antagonism: Realism, Idealism, and the Mirage of Western-Russian Partnership after the Cold War. – *International Politics*. Vol. 54. No. 4. P. 405-419. www.doi.org/10.1057/s41311-017-0046-8

Alekseeva T.A. 2019. *Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX-XXI vv.). Politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern Political Thought (XX-XXI Centuries). Political Theory and International Relations]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Bull H. 2002. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: primer klassicheskogo podkhoda [Theory of International Relations: An Example of the Classical Approach]. – *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theory of International Relation]. Pod red. P.A. Tsygankova. Moscow: Gardariki. P. 190-191. (In Russ.)

Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Contemporary International Relations]. 2018. Ed. by A.V. Torkunov, A.V. Mal'gin. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2019. *Современная политическая мысль (XX-XXI вв.). Политическая теория и международные отношения*. Москва: Аспект Пресс.

Булл Х. 2002. Теория международных отношений: пример классического подхода. – *Теория международных отношений*. Под ред. П.А. Цыганкова. Москва: Гардарики.

Современные международные отношения. 2018. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. Москва: Аспект Пресс.